

сущности те же первичные отношения, но метафорически перенесенные из ситуации с актуальным настоящим в ситуацию, сколь угодно далеко отстоящие от нее в пространстве и времени, — на объективный мир вообще. Основой вторичных именных и глагольных классов является, таким образом, антропоморфная метафора. Антропоморфные классификации имен постоянно возобновляются, регенерируются в языках самых различных групп²⁸. Роды (а также категория личности — неличности) индоевропейских языков являются, по-видимому, транспонированным, вторичным, или даже третичным, аппаратом номинативной функции, возникающим на основе первичного аппарата — суффиксальных классов. Однако, как и во всех вторичных категориях, здесь возможно привнесение каких-то иных моментов, не относящихся к аппарату этой функции, например синтаксического (роды являются согласовательными классами) (см. также выше).

Глагольные классы этого типа не являются необходимым коррелятом именных классов. Нередко они отсутствуют там, где именные классы широко представлены, например, в языках банту. Кроме того, глагольные классы стоят в прямой зависимости от организации предложения. Эти моменты не позволяют рассматривать глагольные классы в рамках настоящей статьи. Мы ограничимся здесь лишь тем, что постулируем место для них в предлагаемой системе семиологической классификации и оставляем на будущее решение вопроса о том, какие именно глагольные классы и каких языков претендуют на занятие этого места.

Транспонированный аппарат синтаксической функции представляет собой именовое предложение. Именная синтагма типа *Белый дом* является утверждением признака лишь в непосредственном акте номинации. Именовое предложение типа *Дом — белый* является утверждением признака вне данного акта номинации, вне ее актуального настоящего, вне времени вообще. Связь признаков в данном протекающем акте номинации обобщается на связь признаков в любое время, вообще. Следовательно, между *Белый дом* и *Дом — белый* существуют те же отношения переноса признаков данной ситуации говорения на ситуацию вне данного момента, что и в других случаях транспонированных функций, то есть отношения метафоры.

Это теоретическое истолкование подтверждается в наблюдении. Как показал Э. Бенвенист, именовое предложение в древнейших индоевропейских языках, в частности у Гомера, всегда выражает вне-временные положения, своего рода «вечные истины», и не употребляется в ситуациях с протекающим временем, в повествовании или описании.

Утверждение в невременной связи признаков есть самая сущность предикации. Предикация, таким образом, в соответствии с развиваемой здесь теорией, коренным образом отличается от «отношения высказывания к действительности», от «утверждения признака во времени», от «глагольности». Все названные категории могут получить исчерпывающее объяснение лишь на комбинированной основе предикации и аппарата других функций, либо номинативной, либо прагматической. Предикация же есть аппарат синтаксической функции.

Признание этого ведет к различению в любом глаголе, с одной стороны, его свойств как средства предикации в аппарате синтаксической функции,

²⁸ См. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1968, т. III, стр. 461 сл.; Бодуэн де Куртене Э. А. О связи грамматического рода с мирозерцанием и настроением людей, говорящих языками, различающимися род. — Журнал Министерства Народного Просвещения, 1900, ч. 331, октябрь, стр. 368; Hjelmslev L. Animé et inanimé, personnel et non-personnel. В кн.: Hjelmslev L. Essais linguistiques (Travaux du Cercle linguistique de Copenhague, vol. XII), Copenhague, 1959, p. 230—237; Степанова Л. Н. Категория рода и лексические дублеты в испанском языке. Автореф. канд. дис. М., 1972, стр. 8, 17—23; Олдерогге Д. А. Следы именового класса людей в языке хауса. — Сов. востоковедение, 1956, № 5, стр. 130—132.